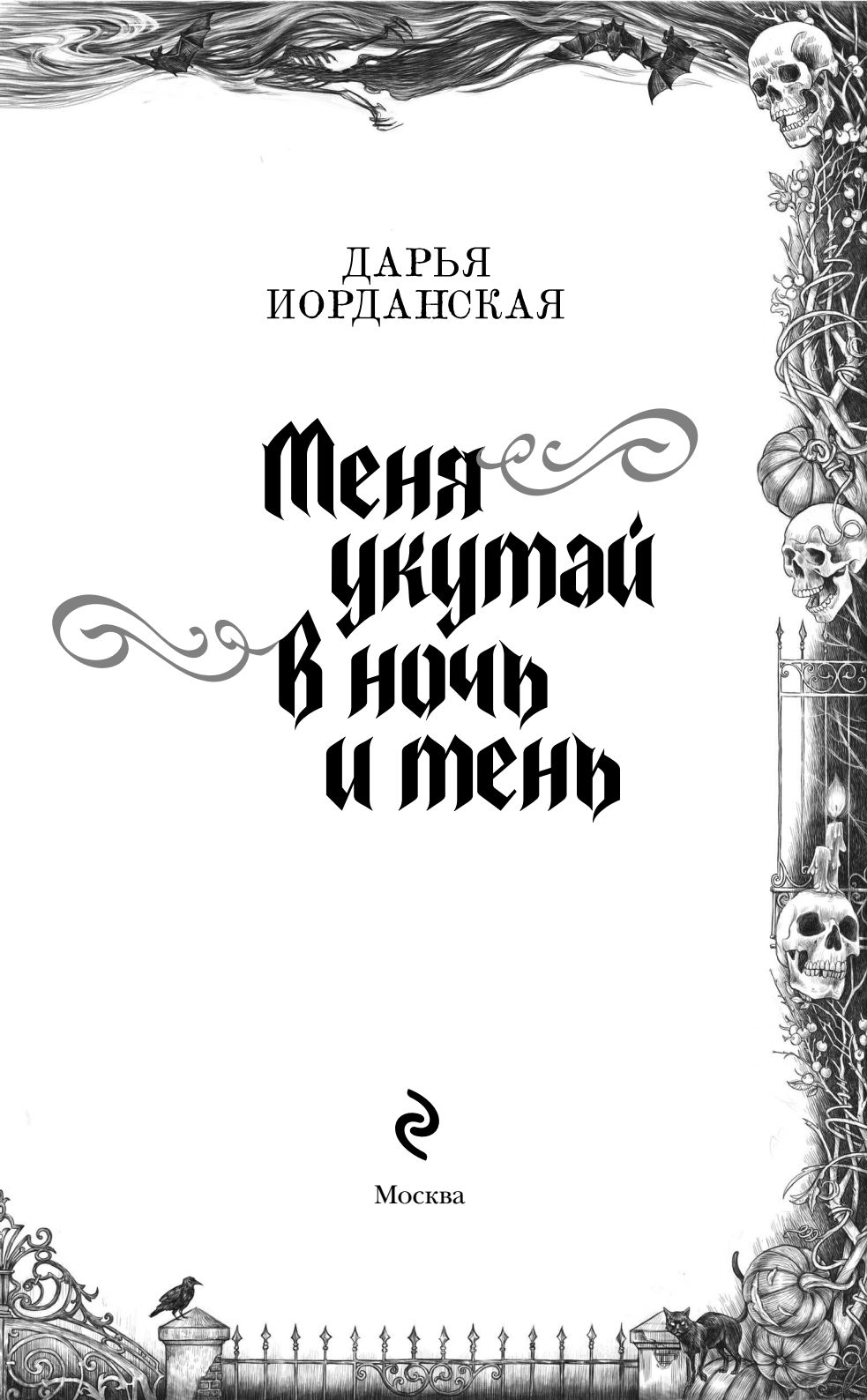

ДАРЬЯ
ИОРДАНСКАЯ

Меня
укутай
в ночь
и тень

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И75

Иорданская, Дарья Алексеевна.

И75 Меня укутай в ночь и тень / Дарья Иорданская. —
Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210964-5

Приключения английского джентльмена, язвительного чернокнижника и гувернантки-медиума продолжаются! Чтобы найти пропавшую миссис Гамильтон, Элинор Кармайкл вынуждена искать ответы в своем прошлом. В юности она стала свидетельницей серии жестоких убийств в колледже Святой Марии, в которых обвинили трех воспитанниц. Но насколько Элинор может доверять своей памяти и кто на самом деле стоял за теми преступлениями?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210964-5

© Иорданская Д.А., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разбудило Элино́р яркое солнце. Шторы были раздернуты, и по-осеннему мягкий золотистый свет заливал комнату. Словно и не было на свете чудовищ и ночных кошмаров. Обманчивое чувство. Лживое.

— Я приготовила вам целебную ванну, — сказала Пегги, застывшая возле кровати со странной метелкой в руках. — И сделала несколько амулетов.

— Амулеты... — Элино́р покачала головой. А потом подумала, что не в ее положении отказываться от любой, даже самой нелепой на первый взгляд помощи и защиты. — Давай сюда свои амулеты, Пегги.

Но даже после ванны с какими-то травами, смывшими немного уныние и придавшими сил, дурные мысли никуда не ушли. Врата, якорь, печать смерти. Никому не хочется такое услышать в свой адрес. Никому не хочется умирать, равно как и убивать. И уж точно никому не хочется послужить причиной конца света. Оставалась, конечно, надежда, что обе ведьмы просто эпатировали, но Элино́р этого не знала наверняка. Видеть никого из Гамильтонов также не хотелось, и потому Элино́р спустилась боковой лестницей на кухню. Кухарка, миссис Брик, уже поднялась и колдовала — по-иному и не ска-

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

жешь — над стоящими на плите кастрюльками. Сладко, возбуждающе пахло шоколадом.

— А, это вы, мисс Элиноор? — приветливо улыбнулась кухарка. — Завтрак вы пропустили, но почти готов ланч. У меня остались еще блинчики с джемом, но, может быть, вы хотите что-то другое?

Элиноор, испытывая знакомое чувство неловкости, покачала головой.

— Не нужно беспокойства, миссис Брик. Я просто выпью чаю.

Кухарка неодобрительно покачала головой, проворчала что-то вроде «Вы такая худенькая, мисс» (вот уж чего никак нельзя было об Элиноор сказать) и быстро собрала поднос с чаем. От наскоро поджаренных тостов и ветчины отказаться не удалось.

В нижней гостиной, где Элиноор намеревалась спокойно позавтракать в одиночестве, обнаружился совершенно нежеланный мистер Гамильтон. Он сидел и черкал что-то в небольшой записной книжке, удивительно в эту минуту похожий на своего младшего брата. То и дело он в глубокой задумчивости прикусывал автоматическое перо, а затем снова принимался писать.

— Добрый день, мистер Гамильтон, — поприветствовала Элиноор, водружая поднос на столик.

Грегори Гамильтон бросил короткий взгляд на ее завтрак, качнул головой и потянулся за стаканом виски. Привычку пить до наступления вечера Элиноор никогда не одобряла, но укорять не посмела. Стараясь не обращать внимания на мистера Гамильтона, она налила себе чаю — с ромашкой, как она всегда любила, — и присела на краешек стула.

МЕНЯ УКУТАЙ В НОЧЬ И ТЕНЬ

— Я только что из колледжа Святой Маргариты, мисс Кармайкл.

Элинор не донесла чашку до рта. Спросила, пусть того и не желала, грубовато:

— Что вам там понадобилось?

Что-то темное всплыло из глубин памяти. Не картинка, не полноценное воспоминание, но лишь образ. Тень. Звук, терзающий нервы. Элинор плохо помнила все, что происходило с ней в годы, предшествовавшие спиритическому сеансу. Обычно она находила этому простое объяснение: ее потрясение на том нелепом сеансе было слишком велико, довело ее до истерии, и потому вся прежняя жизнь забылась. Сейчас она подумала: а что, если и ДО сеанса с ней происходило что-то необычное?

— Помните что-то из своих школьных лет? — поинтересовался Грегори Гамильтон. Вопрос звучал обманчиво невинно. — Что-нибудь забавное?

— Нет, мистер Гамильтон, — ответила Элинор и все-таки сделала глоток.

— Вы были послушным ребенком или непоседливым?

— Я плохо помню свое детство, — покачала головой Элинор.

— Потому что тогда произошло что-то плохое?

Элинор облизнула губы.

— Это потому, что в год окончания школы вы попали в лечебницу?

— Вы опять копались в моем прошлом? — тихо спросила Элинор.

Этого следовало ожидать. Гамильтонов не могло не заинтересовать ее прошлое. Неприятное прошлое. Тем-

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

ное. Оно должно было всплывать всякий раз, когда Элинонри занималась на работу, и отпраивать потенциалньх работодателей. Кому нужна гувернантка, побывавшая в лечебнице для душевнобольньх? Для обывателей, тем более когда они родители, — нет особенной разницы между безумием и легким помрачением рассудка; между истерией и истерикой. Ей удалось ценой неимоверньх усилий уговорить хозяйку агентства утаить эти позорные сведения от нанимателей, и та пожалела бедную сиротку. Но Грегори Гамильтон добрался до ее тайн, а затем и копнул глубже, в темноту, которая даже для Элинонри была сейчас загадкой.

Потом она сообразила:

— Вы считаете, Дженет Шарп права? Считаете, это я повинна в исчезновении миссис Гамильтон? Считаете, я опасна?

Вспомнились уверения Дамиана. Он никому не позволит причинить ей вред, даже собственной родне. Даже брату, наверное. Из головы не выходила ужасная мысль: а что, если это правда? Если она и в самом деле опасна? Если права Федора Крушенк, и на ней лежит печать смерти? Если права Дженет Шарп, и она врата, якорь, еще какая-нибудь смертельно опасная штука? Этих «если» немало поднакопилось за последние дни.

«Я должна знать ответ на этот вопрос», — поняла Элинонри. Вот только задавать его, кажется, некому. Разве что еще раз навестить Федору Крушенк в ее ведьмином домике. Спрашивать Дженет Шарп отчего-то совсем не хотелось.

— Я стараюсь быть объективным, мисс Кармаикл, — сказал Грегори Гамильтон. Он, кажется, говорил еще что-то, но Элинонри, погруженная в свои мысли, не рас-

МЕНЯ УКУТАЙ В НОЧЬ И ТЕНЬ

слышала. Во всяком случае, его голос звучал раздраженно.

— Когда придете к какому-то выводу, мистер Гамильтон, сообщите мне. Прежде чем убивать — Элинор сама того не хотела, но прозвучало это резко, с сарказмом. И это задело Грегори Гамильтона.

— Непременно, мисс Кармайкл, — сухо сказал он, отставил в сторону полупустой стакан и поднялся. — Простите, мне нужно идти.

И он вышел. Сперва скрипнули половицы в холле, затем хлопнула входная дверь. По полу пробежал сквозняк. Однако Элинор недолго ела в мрачном одиночестве, кроша на тарелку тост. Минут через пять после того, как мистер Гамильтон столь поспешно удалился, в гостиной появился заспанный, позевывающий — манеры Дамиану под стать — Франк.

— Вы поссорились с кем-то с утра пораньше, мисс Элинор?

Это был хороший вопрос. Поссорилась ли она? Что ж, для ссоры нужно хотя бы подобие дружбы, а с Грегори Гамильтоном ее связывали чисто деловые отношения. Сперва она была гувернанткой его пропавшего сына, а затем... кем? Помощницей в поисках? Компаньонкой? Якорем для чудовища? Грегори Гамильтон не доверял ей, и это была скорее не ссора, а... Они почти называли вещи своими именами, расставили все по местам.

— Не знаю, Франк, — вздохнула Элинор. — И потом, что значит «с утра пораньше»? Уже глубоко за полдень, милый мой.

Юноша огляделся, ноздри его затрепетали, а на щеках выступил лихорадочный румянец.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

— Здесь весьма дурная аура... Черная...

Не отдавая себе отчета, не раздумывая, Элинор протянула руку, схватила Франка и усадила рядом с собой. Появилась Пегги, неся свежие, только что поджаренные тосты, сконы, масло, клубничный джем, мед и великолепный рисовый пудинг. Дамиан все-таки нанял отличную прислугу, исхитрявшуюся подать приличный завтрак в любое время суток, которое хозяева сочтут утром. Франк подвинулся еще ближе, жадно оглядывая стол, и Элинор погладила его по встрепанным волосам.

— Maitre Дамиан... — неуверенно проговорил мальчик, утолив первый голод. — Он... у него приступ.

Элинор отодвинула тарелку.

— Какой приступ?

— Я просто хотел предупредить, — тихо сказал Франк. — Он не умер. Это такой сон.

«Какие сны в том смертном сне приснятся», — всплыло в памяти. Элинор невольно поежилась. Вспомнилось, каково это: утрачивать контроль над собственным телом и падать в небытие.

— Maitre просто устал. — Франк зачем-то начал оправдываться. — Он проснется, думаю, к завтрашнему дню.

Запоздало Элинор поняла, что Франку страшно. Он, должно быть, думает о том дне, когда Дамиан не проснется вовсе, оставив его в одиночестве. Элинор улыбнулась, как могла, ободряюще, а потом поцеловала мальчика в лоб.

— Я пойду и взгляну на него.

Элинор встала из-за стола. Желание увидеть Дамиана пропало сразу же. Он лежит в своей комнате, мертвый. Это не подобие смерти, это она и есть, собственной неприглядной персоной. А еще этой ночью он был жи-

МЕНЯ УКУТАЙ В НОЧЬ И ТЕНЬ

вой, теплый, обнимал и утешал ее. И это... не страшно, нет. Это неправильно.

Элинор поднялась медленно, с большой неохотой по лестнице, считая ступени, толкнула дверь в спальню Дамиана и вошла. Комната была, как всегда, погружена в темноту, ни единого луча света не пробивалось сквозь плотно закрытые ставни и тяжелые шторы. Элинор взяла лампу со столика, запалила фитиль и подошла к кровати. Франк дышал ей в спину. Его сопение было единственным звуком, нарушающим жуткую мертвую тишину комнаты.

Элинор поставила лампу на столик и отогнула край занавеси, скрывающей кровать. Дамиан лежал на спине, вытянув руки вдоль тела, почти полностью одетый: он снял сюртук, но даже не ослабил узел галстука. Это почему-то казалось Элинор еще более неправильным. Она протянула руку и ненароком коснулась щеки Дамиана, мертвенно-холодной и твердой. Точно он был изваян из мрамора.

Черты лица Дамиана заострились, глаза запали. Все исказилось и преобразилось самым неприятным образом. От Дамиана исходило это леденящее кровь дыхание иного мира. А может, это у Элинор воображение разыгралось? А еще она подумала, что ему самому должно быть очень холодно.

— Принеси одеяло, Франк. Я видела одно в белье-вом шкафу.

Элинор развязала галстук, отложила его в сторону и расстегнула несколько пуговиц на жилете Дамиана и на его рубашке. В этом было нечто удивительно интимное и потому неправильное, но Элинор удалось кое-как убедить себя, что она заботится о Дамиане

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

Гамильтоне, как позаботилась бы о больном ребенке. У него было с детьми определенное сходство. Затем она укутала мужчину принесенным Франком одеялом до самого подбородка и поднялась.

— Ты приглядишь за ним? Мне нужно съездить по делам.

— Это может быть опасно, — возразил Франк. — За вами ведь охотится нечто... нечто...

Он умолк, раздосадованный невозможностью подобрать верное слово, и закусил губу. Элино́р, не удержавшись, потрепала его по волосам:

— Не беспокойся за меня, дорогой. Я возьму с собой Пегги. Под присмотром ведьмы я ведь буду в безопасности?

Франк нехотя кивнул.

Идея появилась у Элино́р спонтанно и удивительно быстро оформилась в намерение. Федора Крушенк. Она могла дать разъяснения своим словам и словам Дженет и либо подтвердить всеобщие опасения, либо развеять их — по крайней мере, для Элино́р. А еще в ее доме Дамиан увидел нечто, до такой степени его расстроившее, что он надиктовал то странное письмо. В доме Федоры Крушенк есть ключ к тому, что вокруг происходит. Должен быть этот ключ. Кроме того, пока что Элино́р была наименее осведомленной из всех, и положение ее потому было шатким. Братья Гамильтон выросли в мрачной тени этого дома и своей матери, они знали с ведьмами и весьма уверенно говорили о призраках и Тенях. Элино́р никогда не слушала свою тетку, и, кажется, зря.

Переодевшись в дорожное платье, Элино́р разыскала Пегги. Та стирала пыль с безделушек в одной из

МЕНЯ УКУТАЙ В НОЧЬ И ТЕНЬ

гостиных. Их полно было в доме, дорогих и ненужных вещей, которые, вероятно, хранили чью-то память.

— Я хочу съездить по делам, — сказала Элинора. — Будешь сопровождать меня?

Пегги кивнула и отложила метелку. И не задавала никаких вопросов, пока они не сели в поезд. Только там, достав из кармана четки, ведьмочка щелкнула парой бусин и спросила:

— Куда мы едем, мисс Элинора?

Четки были набраны из крошечных позвонков.

— Поговорить с Федорой Крушенк.

Пегги посмотрела на нее удивленно.

— Что-то не так? — спросила Элинора.

— Нет-нет. Просто мисс Крушенк. Мы ведь говорим о ведьме Федоре Крушенк? Она ведет такую уединенную жизнь... Едва ли у нее можно что-то выведать. Я не говорю, что она не осведомлена... скорее, даже наоборот, но она не желает обычно делиться своими мыслями или знаниями.

— Что тебе о ней известно?

— Немного. — Пегги щелкнула сразу несколькими костяшками. — Она резка и неуживчива, так что никто не знаком с ней близко. Но одно я знаю: куда бы ее ни приняли, вскоре изгоняют. С ней не хотят иметь дело ни художники, ни ведьмы.

— Я слышала, произошла какая-то история с ее картиной...

— О да, — ухмыльнулась Пегги. — Она изобразила нечто отвратительное. И невообразимое. Чему не место в нашем мире. В Академии решили, что подобное надругательство над искусством терпеть не станут. Ну а ведьмы не любят, когда выдают их секреты.

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

— И что же мисс Крушенк написала? — спросила Элино́р.

Пегги прикусила губу. Ей не особенно, кажется, хотелось распространяться. Ведьмы не любят, когда выведывают их секреты, это уж точно.

— Пир. Это был пир Старых Богов. И вся их неприглядная пища.

— И что же это такое? — уточнила Элино́р, заранее зная, что ей ответ не понравится.

— Люди. — Пегги отвернулась к окну. — Что же еще?

Остаток пути проделали молча. Пегги достала из сумки вязанье, что-то цветастое и бесформенное, она не была в этом особенно искусна. Элино́р ничего с собой не взяла, поэтому могла только смотреть в окно на проносящиеся мимо поля и рощи. Мысли ее текли сплошным потоком, и уцепиться было не за что. Вся ее жизнь, до того такая логичная и ясная, представлялась теперь чередой фрагментов. В них не было ни ясности, ни смысла.

Вот детство: угрюмый отец, почти не обращающий внимание на единственного ребенка; и мать — бледная тень. В памяти Элино́р она так и осталась бессловесной и ко всему безразличной, почти прозрачной. Отец иногда боялся чего-то или кого-то, но ни разу не заговаривал о своих страхах. И не любил похороны, а равно и крестины.

Его проповеди, Элино́р помнила, были полны страсти. Но вот сами их она так и не вспомнила, ни одной строчки, ни слова.

Иногда приезжала из Лондона тетушка, но и ее Элино́р до определенного момента помнила плохо. А затем

МЕНЯ УКУТАЙ В НОЧЬ И ТЕНЬ

тетя Эмилия, наоборот, стала заполнять собой каждый уголок воспоминаний.

В памяти детских лет отчего-то отпечаталось только синее небо и яркое солнце, и она в белом платье сидит на цветущем лугу.

Элинор тряхнула головой и поднялась. Приехали.

Дом Федоры Крушенк выглядел все так же неприветливо и необжито, как и в прошлые разы. Элинор постучала, и снова никто не ответил. Элинор постучала настойчивее. Еще и еще раз, показывая, что уходить не намерена. Прошло несколько минут, прежде чем дверь приоткрылась.

— Это опять вы? — Федора Крушенк глянула мрачно исподлобья. Стрельнула глазами на Пегги, с преувеличенным интересом изучающую противоположную сторону улицы. — Что вам нужно?

— Поговорить.

Федора Крушенк скривилась, но все же пропустила гостей в дом. Устроив их в уже знакомой комнате, она на несколько минут вышла и вернулась с горячим чаем. Создалось впечатление, что она ожидала визита. Как и прежде, чай был с ромашкой, а к нему — колотый шоколад. Пегги пугливо и воровато огляделась и утащила сразу несколько кусочков. С Федорой она старалась не встречаться взглядом.

— Так что вам нужно?

Элинор взяла чашку обеими руками, грея озябшие ладони.

— Правду.

Федора рассмеялась своим хрипловатым грудным смехом.